

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-96-105

МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ: «ЛАВР» Е. ВОДОЛАЗКИНА, «МИУССКАЯ ПЛОЩАДЬ» М. ГОЛУБКОВА

Кротова Д.В.

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы времени в литературе рубежа XX–XXI вв. Исследуются различные модели интерпретации феномена времени на примере романов «Лавр» Е. Водолазкина и «Миусская площадь» М. Голубкова. Эти произведения отчасти сходятся в трактовке заявленной проблематики: время как иллюзия, представление об одномоментном существовании событий прошлого, настоящего и будущего, сочетание линейной и нелинейной повествовательных моделей. Но при этом понимание самой сущности феномена времени в анализируемых романах глубоко различно: в «Лавре» концепция времени подчинена религиозно-нравственной доминанте, время понимается как средство этического совершенствования личности, в «Миусской площади» оно обладает ценностью само по себе, не случайно одним из ключевых в романе является понятие «родного времени». Обосновывается, что проблема времени играет важнейшую роль в тех произведениях современной литературы, которые продолжают модернистскую традицию.

Ключевые слова: русская литература, современная литература, проблема времени, Водолазкин, «Лавр», Голубков, «Миусская площадь».

THE MODELS OF INTERPRETATION OF TIME PROBLEM IN CONTEMPORARY NOVEL: “LAURUS” BY E. VODOLAZKIN, “MIUSSKAYA SQUARE” BY M. GOLUBKOV

D. Krotova

*Lomonosov Moscow State University
1, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the problem of time in contemporary literature. It studies the models of interpretation of time as a phenomenon on the example of the novels “Laurus” by E. Vodolazkin and “Miuskaya Square” by M. Golubkov. These works demonstrate a convergence in the interpretation of this problem: time as an illusion, simultaneous existence of past, present and future, the combination of linear and non-linear narrative models. But the understanding of the substance of time phenomenon in these novels is deeply different: in “Laurus”, the concept of time is guided by the religious and moral dominant, time is understood as a tool of moral development. In “Miuskaya Square”, the phenomenon of time has a value in and of

© Д.В. Кротова. 2017.

itself, and one of the key concepts of the novel is the concept of “native time”. It is proved that the problem of time plays very important role in contemporary literary works that continue the modernist tradition.

Key words: Russian literature, contemporary literature, the problem of time, Vodolazkin, “Laurus”, Golubkov, “Miuskaya Square”.

Проблема времени – одна из центральных в современной литературе. К ней обращается целый ряд авторов: помимо тех писателей, произведения которых вынесены в заглавие статьи, это и П. Крусанов, и Т. Толстая, и А. Варламов. Так, Крусанов заявил о своём интересе к проблеме времени уже в первом крупном произведении – романе «Где венку не лечь» (1990; в редакции 2001 года – «Ночь внутри»), где писатель экспериментировал с совмещением разных временных планов; значимость проблемы времени для Крусанова доказывают и его рассказы, например, «Бессмертник», «Другой ветер», «Глина». В прозе Т. Толстой читатель тоже встречает размышления о времени и возможности или невозможности преодолеть его линейное движение («Милая Шура», «Круг»). Вопрос времени становится объектом художественной рефлексии А. Варламова (затрагивается, в частности, в романе «Мысленный волк»). Есть в современной литературе авторы, для которых проблема времени не является главным предметом осмысления, но, так или иначе, оказывается в орбите их внимания – например, В. Сорокин, создающий условный мир будущего («День опричника», «Сахарный Кремль», «Метель», «Теллурия»), или В. Пелевин, причудливо соединяющий в одном произведении элементы разных временных континуумов («Чапаев и Пустота»). Своеобразные модели будущего разворачивают и П. Крусанов

в «Укусе ангела», и Т. Толстая в романе «Кысь».

Принципиально значимую роль проблема времени играет для тех авторов, произведения которых рассматриваются в данной статье. Анализируемые романы М. Голубкова и Е. Водолазкина являют собой полярно противоположные подходы, мировоззренческие крайности в осмыслении проблемы времени и, вместе с тем, демонстрируют явные точки схождения в интерпретации этого феномена. Рассмотрение проблемы времени в «Миусской площади» и «Лавре» сопряжено и с размышлениями об особенностях творческой манеры, писательского метода их авторов.

Романы «Миусская площадь» М. Голубкова и «Лавр» Е. Водолазкина написаны приблизительно в одно и то же время (2007 и 2012 гг. соответственно). Проблематика и объекты художественного исследования этих романов кардинально различны: «Миусская площадь» посвящена русской истории XX века, в романе «Лавр» речь идёт о Руси эпохи Средних веков. В центре внимания автора «Миусской площади» находится проблема взаимоотношений личности и истории, главный вопрос «Лавра» – человек и Бог, путь человека к Богу. Но одним из важнейших аспектов обоих романов становятся размышления о времени. Проблема времени выходит на первый план в этих произведениях, на наш взгляд, потому, что авторы обоих романов,

размышляя об ушедших эпохах – совсем далёких, как Средние века, или тех, что в памяти многих читателей сегодня, как советская история, – на самом деле говорят и о современности. Вопросы, обсуждаемые на материале прошлого, понимаются авторами этих романов как наиболее актуальные в современном мире – будь то проблема нравственного выбора (как в романе Водозазкина) или проблема взаимоотношений человека и истории («Миусская площадь»). Эпохи, о которых размышляют авторы анализируемых романов, непосредственно соотнесены с современностью – более очевидно у Водозазкина, менее прямолинейно у Голубкова. Поэтому и проблема времени как таковая, проблема соотношения разных временных пластов обретает в обоих романах первостепенную значимость. Исследователи (как и сам автор) уже не раз обращали внимание на значимость этой темы в романе «Лавр» (напр.: [12; 1; 8; 9]), а «Миусская площадь» уже в одном из первых критических отзывов была названа произведением, где «концепция мистической предрешённости истории связана с концепцией времени» [7, с. 207]. Действительно, оба романа выражают определённое понимание феномена времени, и это понимание оказывается и кардинально различным, и одновременно во многом сходным. Анализ целесообразно начать со сходных элементов.

И в «Миусской площади», и в «Лавре» ставится под сомнение само явление времени, очевидность его существования. В обоих романах звучит мысль о том, что время – это иллюзия, условность. В «Миусской площади» об этом говорит один из героев пер-

вой части, Вальтер фон Штайн: в его понимании время – это, «возможно, самая большая иллюзия», «возможно, что времени-то и нет» [5, с. 34]. Это суждение почти совпадает с мыслью о времени, выраженной в романе Водозазкина: «Существование времени под вопросом. Может быть, *после* просто нет» [4, с. 289]. Герой романа Голубкова размышляет о том, что «нет прошлого, которое вроде бы за нашей спиной, нет будущего, которое вроде бы впереди. То есть они существуют, но, как бы это выразиться, одновременно <...> Время, с позволения сказать, превращается в пространство, если встать на такую точку зрения, а мы с вами как бы идём по этому пространству в строго определённом направлении – из прошлого в будущее. Но некоторым иногда удаётся, ну, не то чтобы погулять по этому пространству, самим выбирая маршруты, побродить, что ли, хотя возможно и такое, а чуть-чуть заглянуть вперёд, увидеть нечто вроде тропинки, по которой направляешься» [5, с. 34]. В «Миусской площади» есть персонажи, которые обладают такой способностью, – это Мессинг, Ганусен, это и персонажи, не имеющие исторических прототипов (Вальтер или гадалка в кафе в Бресте, верно предсказавшая одному из героев романа долгую жизнь, а другому – смерть через несколько дней). Будущее оказывается, таким образом, проницаемой субстанцией, его можно увидеть, а иногда и исправить, изменить predetermined план событий, к чему стремятся, например, Константин Алексеевич и Вальтер.

В романе «Лавр» воплощается во многом сходное представление о времени. В «Лавре», так же, как и в «Миус-

ской площади», разделение времени на прошлое, настоящее и будущее трактуется как условность. На самом деле все события существуют одновременно, синхронно. Действие романа происходит в XV в., но постоянно ощущаются отзвуки современности, «романное время одновременно и вовлекает в себя настоящее, сегодняшней день» [1, с. 114] – герои порой обладают знанием о том, что будет происходить в мире в последующие столетия. Так, дед Арсения Христофор, выбирая себе место для жизни в уединении, подалее от деревни, «вполне отчётливо представлял себе дальнейшую судьбу этого места»: «уже в то отдалённое время знал о постройке на месте его избы кладбищенской церкви в 1495 году <...> В 1609 году церковь разрушена поляками. Кладбище приходит в запустение, и на его месте вырастает сосновый лес. Со сборщиками грибов время от времени заговаривают привидения. В 1817 году для производства досок лес приобретает купец Козлов. Через два года на освободившемся месте строят больницу для бедных. Спустя ровно сто лет в здание больницы въезжает уездная ЧК. В соответствии с первоначальным предназначением территории ведомство организует на ней массовые захоронения. В 1942 году немецкий пилот Хайнрих фон Айнзидель метким попаданием стирает здание с лица земли. В 1947 году участок переоборудуется под военный полигон и передаётся 7-й Краснознаменной танковой бригаде им. К.Е. Ворошилова. С 1991 года земля принадлежит садоводству «Белые ночи» <...> Подробное это предвидение указывало Христофору, что на его веку земля останется нетронутой» [4, с. 14-15]. Разные временные

пласты для Христофора словно существуют синхронно, и человек, живя в своём веке, в то же время «видит» все века сразу.

Такой способностью обладают и другие герои романа «Лавр». Например, юродивый Фома, которого Арсений встречает во Пскове, велит Арсению возвращаться «в Завеличье, где на будущей Комсомольской площади стоит монастырь Иоанна Предтечи» [4, с. 179]. Подобные детали в беседе жителей средневековой Руси не могут не создавать комического эффекта, но за этим стоит не столько стремление автора вызвать улыбку читателя, сколько размышления об условности времени, о том, что будущее на самом деле уже существует, и кому-то дана способность заглянуть туда, увидеть его (как удаётся сделать это и некоторым героям «Миусской площади»).

Представления о времени, выраженные в романах М. Голубкова и Е. Водолазкина, объединяет и то, что в обоих случаях сочетается последовательная (линейная) и нелинейная временные модели. Так, в романе «Лавр» время движется, с одной стороны, от детства к старости главного героя, т. е. здесь реализуется линейная модель, с другой стороны – по кругу, поскольку движение времени оказывается возвращением к исходному. В «линейном времени обнаруживаются свои концентрические круги» [1, с. 114]: завершение романа переключается с его началом, события, которые переживает старец Лавр, сходны с теми, что произошли в жизни юноши Арсения (образы возлюбленной Арсения Устины и пришедшей к Лавру за помощью Анастасии явно соотнесены). Этот круг – не буквальное возвращение к исход-

ному, а возврат на новом уровне, ибо «ничто на свете не повторяется» [4, с. 411]. Но, так или иначе, время в романе оказывается циклично, замкнуто кругом. Водолазкин здесь во многом следует христианскому пониманию времени, поскольку для религиозного сознания время движется именно по кругу. Так, события церковного года в понимании христианина происходят вновь во всякий год, церковные праздники – это не воспоминание о том, что было в начале нашей эры, а переживание этих событий заново, потому что они вновь и вновь совершаются. В «Лавре» Водолазкина, таким образом, сочетаются, накладываются друг на друга линейная и нелинейная временные модели. Время жизни героев «то ускоряется, то замедляется, то течёт линейно, то по кругу (в монастыре), то по спирали» [8, с. 70].

В романе М. Голубкова читатель тоже встречает подобное совмещение линейного и нелинейного движения времени. С одной стороны, это линейный принцип – в романе прослеживаются значимые фрагменты жизни каждого из персонажей, и события в рамках этих фрагментов выстроены в хронологической последовательности. Так, читатель точно знает о ходе событий 1933 года в жизни Константина Алексеевича Грачёва, героя первой части романа: получение Константином Алексеевичем важного государственного задания (собрать информацию о Ганусене и узнать, каким образом можно ограничить влияние этого человека на фюрера), знакомство с немцем Вальтером фон Штайном, совместная поездка Константина и Вальтера в Берлин, остановка в Бресте и эпизод гадания, пребывание в Берлине

(посещение «психологических опытов» В. Мессинга, вновь предсказание убийства, гибель Вальтера), возвращение в Москву. Во второй части романа в хронологическую линию выстраиваются события последнего года жизни Бориса Алексеевича Грачёва (1937), равно как и в третьей части – события, связанные с Тоней, Афанасием Шумелко, Любовью Исааковной Рубинштейн.

Вместе с тем, линейная форма повествования сочетается в романе с нелинейной – так, первая часть романа представляет собой совмещение двух временных планов. Повествование о событиях 1933 года перемежается с рассказом о том, что происходит с Константином Алексеевичем в 1973 году: описан последний день его жизни и смерть в зале ожидания Белорусского вокзала. Фрагменты 1933 и 1973 годов чередуются, сопоставляются, внимание читателя переключается из одного времени в другое. Этот приём заставляет вспомнить о литературной традиции – например, о романе «Старик» Ю. Трифонова, но если у Трифонова события прошлого представлены именно как воспоминания Летунова, то в «Миусской площади» речь идёт не столько о воскрешении в памяти героя событий 30-х годов, сколько именно о совмещении двух «объективных» повествовательных планов.

Сочетание последовательного изложения событий с отступлениями от хронологической схемы повествования читатель встречает и во второй части романа: первая и последняя главы второй части рассказывают о дне накануне ареста Бориса Алексеевича Грачёва (1 мая 1937 года), а то, что происходило в его жизни за несколько месяцев до этого, становится содержанием второй – одиннадцатой глав.

В романе М. Голубкова, как и в «Лавре» Е. Водолазкина, действует и круговая, или концентрическая, модель времени. Это особенно очевидно в первой части романа, которая завершается смертью Константина Алексеевича: уход из жизни становится для героя возвратом в 1933 год, в своё «родное» время. Как Лавр в старости «возвращается» к самому важному и трагическому эпизоду своей жизни, так и Константин Алексеевич «возвращается» к тем людям и событиям, которые были ему наиболее дороги. И в «Лавре», и в «Миусской площади» конец и начало человеческой жизни оказываются сомкнуты, и точкой их соединения служит наиболее значимый, поворотный жизненный момент.

Казалось бы, два современных романа – «Миусская площадь» и «Лавр» – демонстрируют явные сходства в трактовке феномена времени: время как иллюзия, представление об одномоментном существовании событий прошлого, настоящего и будущего, возможность перемещаться по времени как по пространству и предвидеть события, которые ещё только должны случиться. В обоих случаях сочетаются линейная и нелинейная модели времени.

Вместе с тем, при определённом сходстве в трактовке проблемы времени глубинную сущность этого феномена М. Голубков и Е. Водолазкин понимают принципиально различно. Несколько схематизируя, можно признать, что Водолазкин понимает время как средство, а Голубков – как цель. Что имеется в виду?

Мировоззренческая основа романа Водолазкина религиозна. В основе «Лавра» лежит нравственный вопрос,

это роман о пути человека к Богу. Все другие аспекты романа носят подчинённый, вторичный характер по отношению к этому центральному вопросу. Проблема времени тоже подчинена религиозно-нравственной доминанте романа. Время в «Лавре» рассматривается прежде всего как средство – оно дано Богом для того, чтобы человек имел возможность пройти путь нравственного совершенствования, чтобы совершать добрые дела. «Человек не рождается готовым. Он учится, осмысливает опыт и строит свою личную историю. Для этого ему и нужно время» [4, с. 281]. Путь нравственного роста личности возможен только во времени, и время служит этой цели. Феномен времени в понимании Водолазкина имеет, таким образом, религиозно-нравственный смысл, а само время становится средством самосовершенствования и восхождения по пути богопознания.

В романе «Миусская площадь» суть феномена времени понимается принципиально иначе. Автор не ставит нравственных или религиозных акцентов в понимании времени. Если для Водолазкина время – это средство, то в романе Голубкова время обладает ценностью само по себе, как таковое. Более того, целью и смыслом человеческой жизни (а также целью и смыслом человеческой смерти) оказывается именно возвращение в «своё», «родное» время. Таким временем для Константина Алексеевича и становится 1933 год. Подлинным итогом последнего в жизни Константина Алексеевича путешествия (через всю Москву, из Черёмушек в Миуссы) и становится возврат в «родное» время: «Оказалось, что умереть – это вовсе не перестать

существовать, но вернуться в своё время, когда ты любишь и любим, когда ты нужен и тебе нужны, когда есть дом, где тебе рады и тебя ждут» [5, с. 93].

Для героев Водолазкина понятие «родного» времени было бы невысказано, поскольку на самом деле все события существуют одновременно, сразу, и они лишь условно распределены по отдельным этапам человеческой жизни. У Арсения принципиально не может быть «родного» времени, ведь Арсений даже не всегда понимает, «какое время следует считать настоящим» [4, с. 10]. Водолазкин здесь может быть соотносён в своём понимании времени скорее не с Голубковым, а с Крусановым, который размышляет в одном из своих рассказов о том, что «время слипается в голове в одно вязкое *всегда*, где нет места календарю, временам года, памятным датам» [10, с. 270]. И в романе Водолазкина события «не всегда протекают во времени <...> Порой они протекают сами по себе. Вынутые из времени» [4, с. 205]. То или иное событие далеко не всегда связывается с определённым периодом жизни человека.

Время для героев Водолазкина – не более чем частность, «во времени нуждается лишь материальный мир» [4, с. 281]. Смыслом жизни для героев Водолазкина ни в коем случае не может быть возвращение в то или иное время (в «родное время»), смысл их жизни – в воссоединении с Богом и преодолении времени. «Мы заперты во времени из-за слабости нашей» [4, с. 279], – размышляют герои «Лавра», и рано или поздно плен времени, клетка времени должны рухнуть.

Концепция «Миусской площади» вовсе не связана с представлением об отмене времени. Напротив, «родное

время» (то, в котором человек внутренне укоренён, время расцвета его душевных и физических сил) – ключевое понятие романа. Невозможно представить себе, что в романе «Миусская площадь» герои размышляли бы о событиях, существующих вне времени, как у Водолазкина. Наоборот, каждое событие строго привязано к определённому моменту времени, тот или иной комплекс событий определяет лицо, облик каждого временного этапа. События вовсе не смешиваются в сознании героя в единый вневременной поток, как в романе Водолазкина или в «Глине» Крусанова.

Таким образом, мировоззренческая основа понимания феномена времени у Е. Водолазкина и М. Голубкова оказывается принципиально различной. Водолазкин трактует феномен времени в религиозном, христианском ключе: время воспринимается как принадлежность несовершенного человеческого мира, оно оказывается в конечном счёте преодолимо, и в пространстве «вечности», за чертой физического бытия, будет отменено. Концепция романа «Миусская площадь» не религиозна, и время понимается М. Голубковым не в соответствии с христианскими представлениями, а как нечто константное, изначально присущее мироустройству и не подлежащее отмене. Хотя настоящее время может быть иллюзией, условностью по отношению к прошлому или будущему, хотя герои романа размышляют о том, что на самом деле будущее уже существует, но при этом время как таковое не отменяется. Время – то, что будет всегда. В своей трактовке феномена времени М. Голубков в какой-то мере близок бергсоновскому понима-

нию: для обоих авторов время «не есть нечто абстрактное, текущее независимо от нас: оно составляет внутреннюю суть нашего сознания, живёт и звучит в нас» [3, с. 220]. Но есть и существенные различия между бергсоновской интерпретацией феномена времени и той, которая выражена в романе «Миусская площадь». Для Бергсона время – единый поток, длительность, «непрерывная мелодия нашей внутренней жизни, которая тянется, как неделимое, от начала до конца нашего сознательного существования» [2, с. 949], «эту мелодию нельзя разбить на отдельные моменты» [3, с. 220]. В понимании же Голубкова время принципиально дискретно – оно дробится на фрагменты, связанные с теми или иными событиями человеческой жизни. Поэтому «вечность» – это вовсе не отмена и преодоление времени (как для героев «Лавра»), а, наоборот, возвращение, проникновение в тот или иной временной отрезок, установление неразрушимой связи между бытием человека и его «родным» временем.

При различной основе понимания самого феномена времени (религиозно-нравственной у Е. Водолазкина, эмоционально-субъективной у М. Голубкова), авторы «Миусской площади» и «Лавра», как мы убедились, отчасти сходятся и в восприятии этого феномена, и используют общие приёмы писательской техники – в частности, сочетание линейных и нелинейных повествовательных моделей.

На примере анализа текстов Голубкова и Водолазкина очевидно, что проблема времени выходит на первый план именно у тех писателей рубежа XX–XXI вв., которые наиболее тесно связаны с модернистской традицией.

У модернистов в период 1920–30-х гг. эта проблема порой играла ключевую роль – например, в ряде произведений А. Белого, А. Грина, М. Булгакова, О. Мандельштама, В. Набокова. У всех этих авторов читатель встречается и нелинейные временные модели, и нелинейные повествовательные схемы. «Ещё М. Пруст, основоположник импрессионистического романа, сделал законы субъективной памяти организующей основой романа, цементирующей его композиционную структуру <...> Это привело к трансформации художественного времени: повествователь как бы скользит по времени, свободно перемещается в художественном пространстве между прошлым и будущим» [6, с. 217]. Голубков и Водолазкин – авторы, наследующие и преломляющие на новом этапе закономерности модернистского литературного мышления. Проблематику времени они во многом разрабатывают в модернистском ключе, но их эксперименты с художественным временем выглядят более радикально, нежели у модернистов, а понимание феномена времени ещё дальше отстоит от классических моделей.

Д.С. Лихачёв отмечал, что «категория времени имеет всё большее и большее значение в современном понимании мира и в современном отражении этого мира в искусстве. Развитие представлений о времени – одно из самых важных достижений новой литературы» [11, с. 209]. Пристальное внимание к вопросу времени у авторов XXI в., причём столь различных по своим мировоззренческим ориентирам, как Е. Водолазкин и М. Голубков, говорит о том, что именно эта проблема во многом и определяет облик современной литературы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архангельская А.В. Время древнерусское и современное в романе Евгения Водолазкина «Лавр»: материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2013 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2013» / под ред. М.Э. Соколова, Г.А. Голубева, В.А. Иванова, Н.Н. Миленко, В.В. Хапаева. Севастополь: Экспресс-печать, 2013. С. 113-114.
2. Бергсон А. Восприятие изменчивости // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 926-959.
3. Блауберг И.И. Анри Бергсон // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. 445 с.
4. Водолазкин Е.Г. Лавр. М.: Издательство АСТ, 2016. 440 с.
5. Голубков М.М. Миусская площадь. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 399 с.
6. Голубков М.М. Русская литература XX в.: После раскола. М.: Аспект Пресс, 2001. 267 с.
7. Ермакова А. Михаил Голубков. Миусская площадь. Версия правды // Знамя. 2008. № 12. С. 206-208.
8. Иванова Е.А. Лингвокультурологический потенциал романа Е. Водолазкина «Лавр» // Мир русского слова. 2014. №3. С. 66-71.
9. Калдыбекова Ж.А. Художественное время в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Наука и современность. 2015. № 37-1. С. 103-107.
10. Крусанов П.В. Царь головы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 314 с.
11. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
12. «Я знал, второго «Лавра» писать нельзя». Интервью с Е. Водолазкинским [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culture.ru/materials/158683/evgeniy-vodolazkin-ya-znal-vtorogo-lavra-pisat-nelzya> (дата обращения: 1.04.2017).

REFERENCES:

1. Arkhangel'skaya A.V. Time ancient and modern in the novel by Eugene Vodolazkin "Laurus". In: *Materialy Nauchnoi konferentsii «Lomonosovskie chteniya» 2013 goda i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov-2013»* [Materials of the Scientific conference "Lomonosov readings 2013" and International scientific conference of students, postgraduates and young scientists "Lomonosov-2013"]. Sevastopol, Ekspress-pechat' Publ., 2013, pp. 113–114
2. Bergson A. The perception of variability. In: *Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'* [Bergson A. Creative evolution. Matter and memory]. Minsk, Kharvest Publ., 1999, pp. 926–959.
3. Blauberg I.I. *Anri Bergson. Put' v filosofiyu. Antologiya* [Henri Bergson. The path to philosophy. Anthology]. Moscow, PER SE Publ. St. Petersburg,; Universitetskaya kniga Publ., 2001. 445 p.
4. Vodolazkin E.G. *Lavr* [Laurus]. Moscow, AST Publ., 2016. 440 p.
5. Golubkov M.M. *Miusskaya ploshchad'* [Miusskaya square]. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf, 2007. 399 p.
6. Golubkov M.M. *Russkaya literatura XX v.: Posle raskola* [Russian literature of the 20th century: After the split]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001. 267 p.
7. Ermakova A. Mikhail Golubkov. Miusskaya square. Version of the truth. In: *Znamya* [Banner]. 2008, no. 12, pp. 206–208.
8. Ivanova E.A. Linguistic and cultural potential of the E. Vodolazkin. In: *Mir russkogo slova* [World of Russian word]. 2014, no. 3, pp. 66–71.
9. Kaldybekova ZH.A. Art time in the novel «Laurus» by E. Vodolazkin. In: *Nauka i sovremennost'* [Science and modernity]. 2015, no. 37-1, pp. 103–107.

10. Krusanov P.V. *Tsar' golovy* [The tsar of the head]. Moscow, AST Publ.: Elena Shubina ed., 2014. 314 p.
 11. Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [The poetics of old Russian literature]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p.
 12. «YA znal, vtorogo «Lavra» pisat' nel'zya». Interv'yū s E. Vodolazkinym [“I knew the second “Laurus” can not be written”. Interview with E. Vodolazkin [E-source]] In: *Kul'tura* [Culture]. Available at: <http://www.culture.ru/materials/158683/evgeniy-vodolazkin-ya-znal-vtorogo-lavra-pisat-nelzya> (accessed 1.04.2017)
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кротова Дарья Владимировна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова;
e-mail: da-kro@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria V. Krotova – PhD in Philological sciences, lecturer at the Department of History of newest Russian literature and contemporary literary process, Philological faculty, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: da-kro@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кротова Д.В. Модели интерпретации проблемы времени в современном романе: «Лавр» Е. Водолазкина, «Миусская площадь» М. Голубкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 96-105.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-96-105

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

D. Krotova. The models of interpretation of time problem in contemporary novel: “Laurus” by E. Vodolazkin, “Miuskaya square” by M. Golubkov. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 96-105.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-96-105